

ПОПУЛЯРНАЯ КОЛЛЕКЦИЯ

100

ВЕЛИКИХ

*военных
тайн*

100 великих (Вече)

Михаил Курушин

100 великих военных тайн

«ВЕЧЕ»

2015

Курушин М. Ю.

100 великих военных тайн / М. Ю. Курушин — «ВЕЧЕ»,
2015 — (100 великих (Вече))

ISBN 978-5-4444-8660-3

Книга «100 великих военных тайн» ни в коем случае не претендует на роль энциклопедии по истории войн и военного искусства. От нее не стоит ожидать и подробного изложения всей военно-политической истории человечества. Книга содержит ровно сто очерков, расположенных в хронологическом порядке и посвященных различным военным событиям – переломным, знаменитым, малоизвестным или совсем неизвестным. Все они в той или иной степени окутаны завесой тайны и до сих пор не имеют однозначной оценки, столь свойственной массовому сознанию. Реальность никогда не укладывается в упрощенную схему, ибо она всегда многогранна. Именно на этом принципе многогранности и построен настоящий сборник, посвященный военным конфликтам, операциям, походам и битвам, как имевшим место в глубокой древности, так и происходящим сегодня. Рассказывается в нем и о великих полководцах, героях и простых солдатах, переживших триумф побед, горечь поражений и предательства.

ISBN 978-5-4444-8660-3

© Курушин М. Ю., 2015

© ВЕЧЕ, 2015

Содержание

На заре цивилизаций	6
Первые битвы в истории	6
Тайна Троянского коня	9
За что воевали амазонки?	13
Кого боялись боевые слоны?	16
Так сражались «танки древности»	20
Куда ходили десять тысяч греков?	23
«Лазерный прицел» Архимеда	26
Как сципион победил Ганнибала	29
Конец ознакомительного фрагмента.	34

М. Ю. Курушин

100 великих военных тайн

© ООО «Издательство «Вече», 2015

© Автор-составитель Курушин М. Ю., 2015

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2016

На заре цивилизаций

Первые битвы в истории

Однако вряд ли первая в мире война произошла ранее IX–VI тысячелетия до нашей эры. Археология утверждает, – датируя укрепления в Иерихоне 9000 годом до н. э., а в Чатал-Хююке (Анатолия) 7000 годом до н. э., – что люди неолита (нового каменного века) уже вели организованные войны за сотни лет до изобретения письменности или открытия обработки металла.

В период раннего царства в Египте сложилось постоянное войско, основу которого составляла пехота, вооруженная луками. Специальные грузовые суда доставляли воинов к месту сражения. На севере и юге страны были построены оборонительные сооружения, занятые военными гарнизонами, а внутренний порядок поддерживала полиция, состоявшая главным образом из жителей Северной Нубии – маджаев, – некогда покоренных египтянами.

Сохранилось множество археологических источников – хотя и достаточно фрагментарных, – свидетельствующих о военных походах и торговых экспедициях египтян в следующую эпоху: эпоху Древнего царства (2800–2250 годы до н. э.). Согласно документам, в этот период Египет располагал флотом из 40 гребных кораблей, на каждом из которых находился специальный военный отряд. Данных о численности египетского войска в эту эпоху, к сожалению, нет. Известно лишь, что воины были вооружены булавами с каменными наконечниками, боевыми топорами из меди, копьями с каменными наконечниками, боевыми кинжалами из камня или меди. Основным оружием служил лук, а защитой служили деревянные щиты, обтянутые мехом.

Большой поход в Эфиопию совершил основатель IV династии фараон Снофру (XXVII–XXVI века до н. э.), отец знаменитого Хеопса. Начало широких завоевательных походов далеко за пределы страны связано с именем Тутмоса I. Как и его предшественники, Тутмос I вновь отправился в беспокойную Эфиопию, чтобы «покарать мятежников в чужеземных странах и отразить вторжение из области пустыни». Добившись успеха, царь двинулся дальше на юг, и египетские войска впервые достигли района третьего нильского порога, где на острове Томбос воздвигли крепость и разместили сильный военный гарнизон.

После южной экспедиции египетские войска устремились на север, в Переднюю Азию, разоряя мелкие княжества в оазисах Палестины и Сирии, захватывая большие военные трофеи и увозя многочисленных пленных. Солдаты Тутмоса I достигли Нахрайны (Митанни) на Евфрате, впервые увидев большую реку, текущую не в обычном для египтян направлении с юга на север, как Нил, а с севера на юг, что привело их в большое изумление и нашло отражение в египетском названии Евфрата – «Перевернутая вода»...

Первое описанное сражение в истории произошло около города Мегиддо предположительно в 1469 году до н. э. Это стало известно благодаря анналам, составленным придворным писцом фараона Тутмоса III, правившим Египтом около полувека (ок. 1490–1436 годы до н. э.). Он считается первым в истории полководцем, осуществившим планомерное наступление. Он сумел создать многочисленный и сильный флот.

Еще до правления Тутмоса III пришедшие предположительно с юга Кавказского региона племена хурритов поселились в Северной Месопотамии и областях восточнее реки Тигр. Они постепенно продвигались на запад и юг, пока к 1500 году до н. э. не овладели Восточной Анатолией (территория современной Турции) и Северной Сирией, где были известны как «правители царства Митанни».

Вероятно, в апреле 1469 года до н. э. египетское войско, возглавляемое Тутмосом III, вступило в свой первый за долгое время поход из пограничной египетской крепости Чару (в

клинописных источниках «Пилу»). Через 10 дней оно достигло города Газы в Южной Палестине, где царь торжественно отпраздновал годовщину своего формального восшествия на престол, и на следующий же день устремился в глубь Передней Азии. Здесь ему пришлось встретиться уже не с разрозненным сопротивлением отдельных князей, как это было при прежних египетских царях, а с большой коалицией. Согласно древним источникам именно объединенные силы сирийцев и палестинцев во главе с царем Митанни преградили дальнейший путь египетской армии. В итоге недалеко от пограничной крепости, считавшейся воротами в Месопотамию и связывающей Египет с Сирией и Анатолией, произошло крупное сражение, вошедшее в историю не только как «Первая битва при Мегиддо», но и как первая битва, о которой имеются достоверные и достаточно подробные сведения.

Египетские копейщики. XIII в. до н. э.

Можно предполагать, что главные силы антиегипетской коалиции находились в районе Таанак, преграждая наиболее удобный подступ к Мегиддо. Форсирование горного хребта египтянами для них оказалось неожиданным, и поэтому была упущена возможность уничтожения египетского войска по частям.

Египетское войско насчитывало 30 000 (по другим данным, 10 000) человек, и Тутмос был уверен в победе. Утром 15 мая он построил свою армию для боя. Боевой порядок египтян состоял из трех частей: центр находился на левом берегу ручья Кины; правое крыло – на высоте, расположенной на правом берегу того же ручья; левое крыло – на высотах северо-западнее Мегиддо. Получился вогнутый фронт.

Тутмос на золотой боевой колеснице стал в центре и первым бросился на врага. «Фараон сам вел свою армию, мощный во главе ее, подобный языку пламени, фараон, работающий своим мечом. Он двинулся вперед, ни с кем не сравнимый, убивая варваров». Пока южное крыло заняло мятежников отвлекающим маневром, Тутмос лично повел северный «рог» своего боевого порядка в атаку, направленную между флангом мятежников и крепостью. Результатом было окружение фланга мятежников и сокрушительная победа египтян.

Противнику ничего не оставалось, как броситься в бегство, скрывшись за городскими стенами. Но фараон остался недоволен: его солдаты вместо того, чтобы ворваться в город, занялись захватом добычи на поле боя. Тем временем ворота города были плотно заперты, царей Кадеша, Мегиддо, их союзников, а также отдельных воинов, спасшихся бегством, гарнизон крепости и жители города втащили на крепостную стену.

Затем началась длительная осада города – египтяне еще не умели брать крепости штурмом. Только через семь месяцев измученный голодом город сдался. Царь Кадеша сумел бежать, а оставшиеся в живых князьки пали ниц перед фараоном, умоляя его сохранить им жизнь. Тутмос проявил великодушие, но при этом «властители» были отправлены в свои города на ослах. Египтяне же вновь стали считать добычу. Египтяне захватили более 2000 лошадей, столько же голов крупного рогатого скота и 994 колесницы. Это была впечатляющая победа, открывшая египтянам дорогу в Сирию.

Для закрепления своего успеха египтяне двинулись дальше, взяли еще три города и построили крепость, которая была названа «Тутмос – связывающий варваров». Теперь они владели всей Палестиной. Но для упрочения египетского господства и подготовки базы на побережье потребовалось еще четыре похода. Шестой по счету поход имел целью взятие сильной крепости Кадеш, второй важный очаг сопротивления Египту. «Его величество прибыл к городу Кадешу, разрушил его, вырубил его леса, сжал его посевы». Так была решена вторая стратегическая задача.

Год за годом своего царствования, каждым летом, когда у соседей созрел урожай, Тутмос III ходил походами в Переднюю Азию, захватывая все новые сирийские города и области. В одном из последних походов египтяне снова овладели Кадешем, ворвавшись в город через пролом в стене. Самым северным рубежом азиатских походов Тутмоса III стал город Каркемиш, занимавший выгодное стратегическое положение на стыке Месопотамии, Малой Азии и Сирии. Египетский флот контролировал восточную часть Средиземного моря.

И все же Тутмос III оказался не в силах покорить все царство Митанни, ставшее вскоре союзником Египта.

Тайна Троянского коня

Крупное военное столкновение союза ахейских государств с городом Троя (Илион), расположенном на берегу Эгейского моря, произошло между 1190 и 1180 (по другим данным, около 1240 года до н. э.) годами до нашей эры. Первыми источниками, рассказывающими об этом столь легендарном, столь и ужасном событии, были поэмы Гомера «Илиада» и «Одиссея». Позже Троянская война явилась темой «Энеиды» Вергилия и других произведений. Согласно этим произведениям поводом к войне явилось похищение Парисом, сыном троянского царя Приама, прекрасной Елены, жены царя Спарты Менелая. Попытка путем переговоров добиться возвращения Елены потерпела неудачу, и тогда греки начали изматывающую осаду города.

Троя, на месте которой сегодня находится турецкое местечко Гиссарлык, была обнесена высокой каменной стеной с зубцами. Ахейцы не решались штурмовать город и не блокировали его, поэтому боевые действия проходили на ровном поле между городом и лагерем осаждающих, который располагался на берегу Геллеспонта.

Скорее всего, у ахейцев имелось несколько тысяч воинов. Возглавлял их Агамемнон, царь «многозлатых Микен». А во главе воинов каждого племени стоял свой вождь. Ахейцев Гомер называет «копьеборными», поэтому нет сомнения в том, что главным оружием греческих воинов было копье с медным наконечником. Воин имел медный меч и хорошее защитное вооружение: поножи, панцирь на груди, шлем с конской гривой и большой, окованный медью щит. Племенные вожди сражались на боевых колесницах или спешившись. Воины низшей иерархии были вооружены хуже: они имели копья, пращи, «секиры двуострые», топоры, луки со стрелами, щиты и являлись опорой для своих вождей.

Противники располагались недалеко друг от друга. Боевые колесницы выстраивались в ряд; воины снимали свои доспехи и складывали их рядом с колесницами, затем усаживались на землю и наблюдали за единоборством своих вождей. Единоборствующие сначала метали копья, затем бились медными мечами, которые скоро приходили в негодность. Лишившись меча, сражавшийся укрывался в рядах своего племени или же ему подавали новое оружие для продолжения борьбы. С убитого победитель снимал доспехи и забирал его оружие.

Так мог выглядеть троянский конь

Первыми в бой вступали боевые колесницы, затем «непрерывно одна за другой фаланги ахейцев двигались в бой на троянцев», «молча шагали, вождей опасаясь своих». Первые удары пехота наносила копьями, а затем рубилась мечами. С боевыми колесницами пехота боролась при помощи копий. Участвовали в бою и лучники, но стрела не считалась надежным средством даже в руках отличного лучника. Неудивительно, что в таких условиях исход борьбы решали физическая сила и искусство владения оружием, которое часто отказывало: медные наконечники копий гнулись, а мечи ломались.

Такой бой продолжался до наступления ночи. Если ночью достигалось соглашение, то сжигались трупы. Если соглашения не было, противники выставляли стражу, организуя охрану войска, находившегося в поле, и оборонительных сооружений (крепостной стены и укреплений лагеря – рва, заостренных кольев и стены с башнями). Стража, состоявшая обычно из нескольких отрядов, размещалась позади рва. Ночью высылались разведка в стан врага с целью захвата пленных и выяснения намерений противника, проводились собрания племенных вождей, на которых решался вопрос о дальнейших действиях.

Однажды троянцы, добившись успеха в ночной вылазке, отбросили противника к его укрепленному лагерю, окруженному рвом. Перебравшись через ров, троянцы начали штурмовать стену с башнями, но вскоре были отброшены. Позже им все же удалось разбить камнями ворота и ворваться в лагерь ахейцев. Завязался кровавый бой за корабли.

У кораблей троянцы встретили свежие силы противника. Это был плотный строй сомкнутых щитов «пика близ пики, щит у щита, заходя под соседний». Воины выстроились в

несколько шеренг и сумели отразить атаку троянцев, а контратакой – «ударами острых мечей и пик двуконечных» – отбросили их.

По более поздним мифам, на помощь троянцам пришли амазонки во главе с Пентисилеей и царь эфиопов Мемнон. Однако вскоре они погибли от руки Ахилла. А затем погиб от стрел Париса, направленных Аполлоном, непобедимый воин Ахилл. Одна стрела угодила в единственное уязвимое место – пятку Ахилла, другая – в грудь. Его доспехи и оружие достались Одиссею, признанному храбрейшим из ахейцев.

После гибели Ахилла грекам было предсказано, что без лука и стрел Геракла, находившихся у Филоктета, и Неоптолема, сына Ахилла, Трою им не взять. За этими героями было послано посольство, и они поспешили на помощь соотечественникам. Филоктет стрелой Геракла смертельно ранил троянского царевича Париса. Одиссей и Диомед убили спешившего на помощь троянцам фракийского царя Реса и увели его волшебных коней, которые, по предсказанию, попав в город, сделали бы его неприступным. Одиссей и Диомед проникли в Трою и похитили из храма Афины палладий, защищавший город от врагов. Но мощные оборонительные стены Трои оставались неприступными.

И тогда Одиссей придумал необычайную военную хитрость. Надо было соорудить огромного деревянного коня. В его чреве должны поместиться самые искусные и смелые воины. Все же остальное войско должно сесть на корабли, отойти от троянского берега и укрыться за островом Тендос. Как только троянцы увидят, что ахейцы покинули побережье, они подумают, что осада Трои снята.

Утром четвертого дня троянцы с удивлением обнаружили ахейский лагерь пустым. Они окружили огромного деревянного коня, возвышавшегося над кущами прибрежных раки. Кто-то советовал бросить коня в море, кто-то – сжечь, но многие настаивали на том, чтобы затащить его в город и поставить на главной площади Трои как память о кровавой битве народов.

В разгар спора к деревянному коню подошел жрец Аполлона Лаокоон с двумя своими сыновьями. «Бойтесь данайцев, дары приносящих!» – вскричал он и, выхватив из рук троянского воина острое копье, метнул его в деревянное брюхо коня. Задрожало вонзившееся копье, и послышался из конского чрева еле слышимый медный звон. Но в этот момент внимание толпы было привлечено появлением юношей, ведущих пленного ахейца. Его подвели к царю Приаму, стоявшему в окружении придворной знати рядом с деревянным конем. Пленник назвался Синоном. Синон убедил троянцев, что конь являлся посвященным даром Афине, которая могла обрушить свой гнев на Трою, если троянцы уничтожат коня. А если поставить его в городе перед храмом Афины, то Троя станет несокрушимой. При этом Синон подчеркнул, что поэтому ахейцы и построили коня таким огромным, чтобы троянцы не смогли протаскать его через крепостные ворота...

Как только Синон произнес эти слова, со стороны моря раздался полный ужаса крик. Из моря выползли два огромных змея и оплели жреца Лаокоона, а также двух его сыновей смертельными кольцами своих гладких и липких тел. В одно мгновение несчастные испустили дух. Теперь уже никто не сомневался в том, что Синон говорил правду. Чтобы конь прошел в Скейские ворота, троянцам пришлось разобрать часть крепостной стены. Коня поставили на обусловленном месте.

Пока троянцы, опьяненные успехом, праздновали победу, ночью ахейские лазутчики тихо вышли из коня и открыли ворота. К тому времени греческое войско по сигналу Синона незаметно возвратилось обратно и теперь захватило город.

Но почему причиной ее гибели стал именно конь?

Возможно, у ахейцев была боевая башня на колесах, сделанная в форме коня и обитая конскими шкурами.

Результаты последних археологических экспедиций пока еще не позволяют убедительно восстановить сценарий Троянской войны. Однако их результаты не отрицают, что за троянским

эпосом скрывается история греческой экспансии против крупной державы, находившейся на западном берегу Малой Азии и мешавшей грекам обрести власть над этим регионом.

За что воевали амазонки?

Амазонки – женщины-воины! Вопрос об их реальном существовании до сих пор вызывает много споров у исследователей, а археологические находки дают новую пищу для размышлений.

Еще в 1928 году советские ученые сделали сенсационное открытие во время раскопок в местечке Земо-Ахвала на побережье Черного моря, то есть в области предполагаемого расселения амазонок. Они раскопали доисторическое захоронение, в котором был погребен «князь» в полных доспехах и во всеоружии; здесь же лежал и двойной топор. Однако детальное изучение скелета показало, что это... останки женщины.

В 1971 году, на этот раз на Украине, было найдено захоронение женщины, погребенной с царскими почестями. Рядом с ней лежал скелет девочки, столь же роскошно украшенный. Вместе с ними в могилу положили оружие и золотые сокровища, а также двух мужчин, умерших, как выяснили ученые, «неестественной смертью». Может быть, здесь лежала царица амазонок с убитыми в честь нее рабами? В 1993–1997 годах во время раскопок близ местечка Покровка в Казахстане были найдены могилы других «воительниц».

Недавно английские ученые установили, что некие амазонки сражались за римлян на территории современной Великобритании. Останки двух воительниц-амазонок, служивших в римской армии в Британии, были обнаружены в захоронении в Бруэме, графство Камбрия. Предполагают, что женщины пришли сюда из Дунайского региона Восточной Европы – именно там, как утверждали древние греки, обитали ужасные женщины-воительницы.

Женщины этого племени амазонок, которое предположительно вымерло между 220 и 300 годом н. э., были сожжены на погребальных кострах вместе со своими лошадьми и военной амуницией. Очень может быть, что эти амазонки находились в составе нумерий – нерегулярных войск римской армии, прикрепленных к легионам, служившим в Британии.

В древние времена греки считали, что амазонки, поклонявшиеся богине Артемиде, произошли от бога войны Ареса (Марса) и его собственной дочери Гармонии, что обитали эти племена на реке Фермодонт у города Фемискира в Малой Азии. В весенний период, в течение двух месяцев, амазонки вступали в браки с чужеземцами или мужчинами, жившими по соседству, для продолжения рода. Девочек оставляли у себя, а мальчиков либо убивали, либо отдавали отцам. Ну а слово «амазонка» произошло от слов «а» и «мазон», что означает «без груди», вроде бы происходит от названия обычая прижигать в раннем возрасте правую грудь и тем самым останавливать ее развитие, чтобы было удобнее натягивать тетиву лука, овладевать оружием...

Но, как отмечает еще дореволюционная энциклопедия Брокгауза и Эфрона, абсолютно на всех дошедших до нас изображениях – статуи, рельефы, картины и прочее – у амазонок «идеально красивые фигуры с обеими грудями, но с весьма развитыми мускулами».

Существует версия, что амазонки обитали на севере Турции, а скифская легенда считает амазонок родоначальницами племени сарматов. Скифы и сарматы торговали или совершали совместные военные походы в другие страны. Объединялись они и чтобы отразить нападения опасных внешних врагов. Так, сарматы прислали в помощь скифам свои армии, в которых находись женщины, когда к границам Скифии подошла персидская армия царя Дария.

Ахилл убивает королеву амазонок Пендисилею. Фрагмент росписи греческой амфоры около 530 г. до н. э.

Примечательно, что говоря об амазонках, античные авторы неизменно подчеркивают их беспримерную отвагу и военную доблесть. В Римской империи высшей похвалой для воина считалось сказать ему, что он «сражался как амазонка». Да, женщины-воительницы были достойны таких восторгов. Их хладнокровие вошло в легенду: преследуемые врагами, они без промаха поражали их из лука, полуобернувшись в седле. Особенно же ловко они умели обращаться с двойным топором. Это острое, как бритва, оружие, а также легкий щит в форме полумесяца стали неизменными атрибутами амазонок на любых изображениях.

Но не только греки и римляне говорили об амазонках. Рассказы о сражениях с племенами воинственных женщин известны, например, из древнекитайской и египетской истории. Но получается, что амазонки вдруг бесследно растворились на просторах истории. По словам ритора Исократ, «сколь ни храбры были амазонки, но были побеждены мужчинами и лишились всего».

Однако знаменитый средневековый путешественник Марко Поло утверждал, что лично видел в Азии амазонок. Испанцы и португальцы сообщали о «государствах амазонок» в Южной Америке. В свое время Колумб узнал от индейцев про некий остров, который населяли одни только женщины. Он хотел пленить нескольких из них, чтобы потом показать испанской королеве. Но завоевывать остров не пришлось. Когда корабли Колумба стали на якорь возле одного из островов и отправили на берег лодку с людьми, из близлежащего леса выбежало множество женщин в перьях и вооруженных луками. По их поведению было ясно, что они решили защищать родные места. Колумб назвал окрестности Виргинскими островами, то есть «островами Дев».

Один из знаменитых конкистадоров, Франсиско де Орельяна, открыл великую реку на южноамериканском континенте и первым из европейцев пересек его в самой широкой части.

Летом 1542 года его отряд якобы увидел легендарных амазонок, с которыми вступил в бой. Сегодня считается, что это были либо индейские женщины, сражавшиеся рядом с мужчинами, либо испанцы просто приняли длинноволосых индейцев за женщин. Кстати, открытую им реку Орельяна хотел назвать своим именем, но прижилось другое – Амазонка, в честь тех самых воительниц, с которыми якобы сражались его воины...

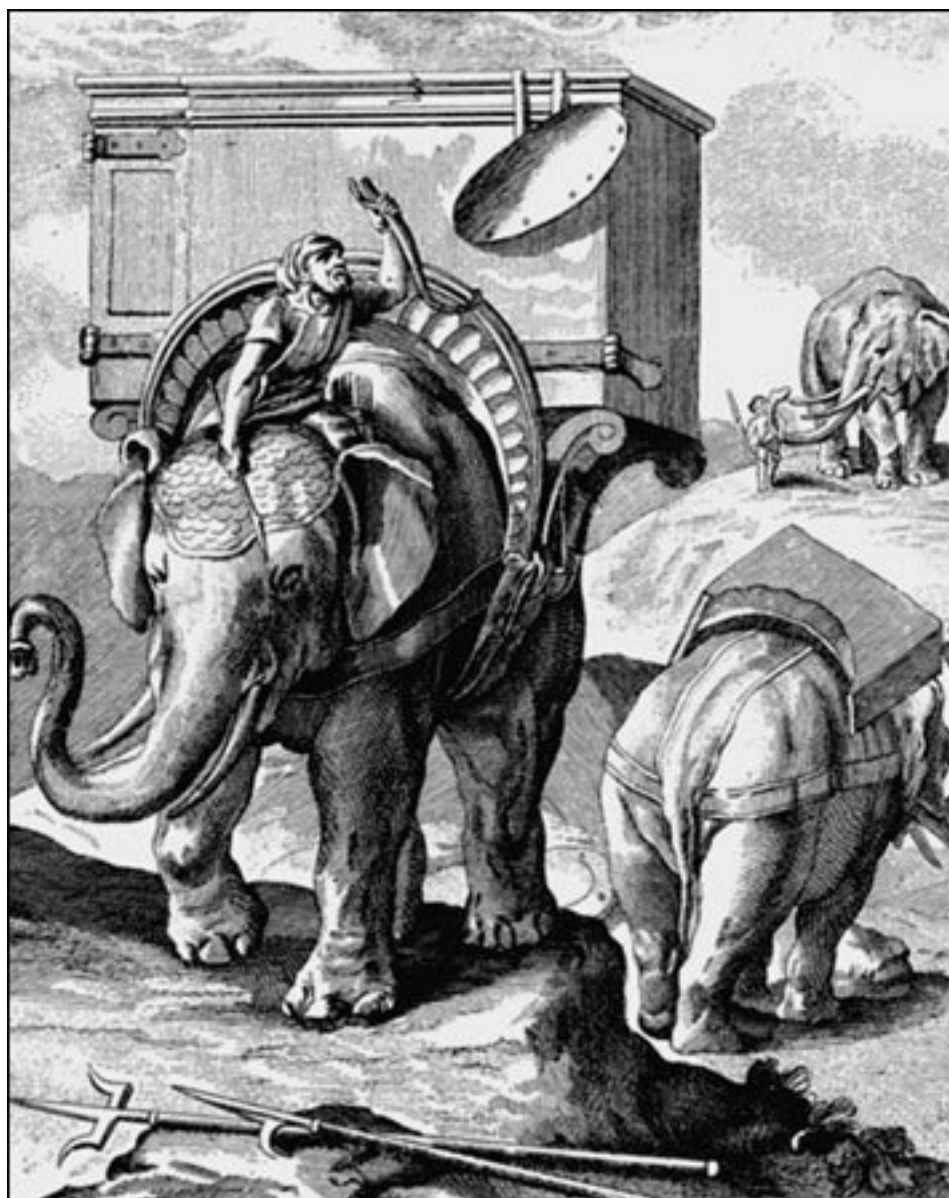
Кого боялись боевые слоны?

Считается, что слоны были приручены и впервые стали использоваться в военных целях в Индии. Случилось это давно, вероятно, в начале I тысячелетия до новой эры. С того момента род войск боевых слонов прочно удерживал ведущее место в армиях государств Индостана. Слон был престижным животным, одним из олицетворений божественной силы, которая давалась в руки его властителям. Чем больше их было в армии, тем могущественнее считался ее предводитель. В «Ведах», «Махабхарате» и других древнеиндийских сочинениях говорится об огромных, поистине сказочных количествах боевых слонов в армиях. Судя по более поздним сведениям, в основном иностранным, войска имели от нескольких десятков до нескольких сотен слонов.

В Древней Индии слонов использовали главным образом против конницы, поскольку лошади боялись слонов. Их выстраивали в линию на расстоянии около 30 метров друг от друга, а за ними в промежутках ставили пехоту, чтобы строй выглядел подобно стене с башнями. Защитного вооружения слонам в Древней Индии не полагалось, зато их богато украшали металлическими побрякушками и красными попонами. «Экипаж» такого танка древности обычно состоял из трех человек – махаута (вожатого), стрелка и сариссофора. Иногда на крупном слоне могли разместиться не один, а два стрелка.

Махаут открыто располагался на шее слона, а стрелок и сариссофор – в укрытии из легких щитов на спине животного. Сариссофор защищал слона с флангов, не давая вражеской пехоте подбираться к ногам и брюху, а стрелок вел метательный бой стрелами и дротиками. Но основным оружием подразделения, естественно, являлся сам слон.

Главным поражающим фактором при атаке слонов, несомненно, был страх, который эти животные вызывали своим видом у непривычных еще людей и лошадей. Немалую роль, впрочем, играла и огромная физическая сила слонов. К тому же слонам иногда давали двуручные кривые мечи. Но это была не слишком хорошая идея, – больше для эффекта, – ведь хобот – не рука, и слон не очень-то ловко мог размахивать мечом. Большой успех достигался, если короткие бивни индийских и североафриканских слонов удлинляли железными наконечниками.

Боевые слоны

В Индии, где слоны были относительно недороги, на них, кроме боевых, возлагались и транспортные функции. В качестве вьючных животных слоны могли долго нести до 600 килограммов грузов, и имели лишь тот изъян, что нуждались в свежих листьях – одним сеном они обходиться не могли. Да и сено в необходимом слонам количестве, в отличие от овса, почти не поддавалось перевозке. Накормить большую армию слонов во время долгого перехода всегда было серьезной проблемой.

В остальном слоны имели очень неплохие показатели. Несмотря на полную неспособность не только прыгать, но и бегать, просто шагом слоны могли двигаться с такой же скоростью, что и лошади рысью, причем пройти в день до 50 километров не представляло для них проблемы.

Особенно полезны были слоны при совершении маршей в джунглях, ибо не только не нуждались в дороге, но и сами прокладывали ее, легко разбирая буреломы и расчищая заросли. Удивительно, но слоны без труда проходили как по горам, так и по болотам.

Европейцы впервые столкнулись со слонами примерно двадцать три века назад. В 331 году до н. э. в битве при Гавгамелах персидский царь Дарий III среди своего воинства

выставил 15 слонов против войск Александра Македонского. Хотя они не спасли Дария от поражения, страха на македонцев навели немало. Вскоре боевые слоны стали служить и в европейских армиях, в течение трех веков сея панику в станах врагов.

Когда тот же Александр Македонский разгромил персидскую армию и направился дальше, в Индию, на реке Гидасп его ожидал с сильным войском Пор, царь Пенджаба. Закипел бой. Пор бросил в атаку свою главную ударную силу – 100 (по некоторым источникам – 200) великолепно обученных слонов, которым поначалу удалось потеснить македонские линии. Но атака слонов захлебнулась.

Скорее всего было так: слоны продолжали бой, пока не поняли, что им не удастся прогнать македонцев, а поняв, не обращая больше внимания на команды махаутов, обратились в бегство, смяв по пути свою же пехоту. Собственно, большинство описанных сражений с использованием слонов обычно так и заканчивались.

В окружении очутился и сам Пор на своем любимом слоне. Отбиваясь от наседавших врагов, бесстрашный гигант отшвыривал всех, кто пытался к нему приблизиться. Но царь был ранен, и умный слон, почуяв, что его хозяин попал в беду, прорвал кольцо македонской пехоты, чтобы вынести хозяина с поля боя. Потом слон сам бережно снял раненого, положил на землю и хоботом вынул стрелы, торчавшие в его теле. Когда неприятельские солдаты нашли беглеца, разъяренный слон, не покидая распростертого на траве господина, защищал его с неистовым мужеством.

Александр все это видел собственными глазами. Восхищенный благородством и смелостью преданного животного, он приказал не трогать слона. Рассказывают, что когда побежденный царь выздоровел, Александр призвал индийца к себе и обещал ему вернуть царство, которое отныне являлось частью империи великого полководца. А если верить Плутарху, то Александр добавил к владениям Пора еще такие территории, что тот стал едва ли не самым могущественным монархом в Индии. Взамен он хотел заполучить только хребца слона. Естественно, Пор согласился.

Завоевав часть Индии, македонцы включили слонов и в состав собственной армии. Позже, с распадом Македонской державы, слоны заняли довольно значительное место в армиях эллинистических государств – Эпирского царства, держав Селевкидов и Птолемеев. Но способ их боевого построения несколько изменился. Если в Индии слоны строились с промежутками, распределяясь по всему фронту войска, то греки ставили слонов плотно, компактной группой.

Расположенные на флангах слоны представляли собой меньшую угрозу для своей пехоты, если вдруг обращались в бегство. Кроме того, для защиты своих войск от бегущих слонов карфагенские вожаки имели с собой большой стальной гвоздь и молот. Если слон поворачивал на своих, махаут вгонял ему гвоздь в череп. Позже такой варварский способ был применен и греками, хотя и гарантию он давал сомнительную, ибо умные слоны, однажды увидев гибель дезертира, для себя делали выводы и позже, намереваясь бежать, могли даже против вожаков принять превентивные меры.

Стоит заметить, что полководцы Рима никогда не придавали слонам большого значения. Они считали их ненадежными и даже опасными помощниками, которые зачастую не только не оправдывали возлагавшихся на них надежд, но и сами способствовали поражению. Так случилось и в битве у города Тапса во время похода Цезаря в Африку (47–46 годы до н. э.), где Гай Юлий дал бой войскам сторонников республики под командованием Сципиона Метелла.

На обоих флангах республиканцы поставили по 32 слона. Как только они устремились в атаку, разом заголосили сотни труб противника, загрохотали барабаны, зазвенели медные тарелки. Копейщики начали закидывать животных дротиками. Оглушенные неожиданным шумом, испуганные свистом стрел, слоны повернули назад, разметали колонны республиканцев и понеслись прямо на укрепленный лагерь Сципиона. Под их мощными ударами рухнули ворота, а наспех возведенные ограждения развалились как картонный домик. Преследуя по

пятам животных, в проломы ворвались легионеры Цезаря и захватили всех слонов-неудачников.

С одной стороны, слоны сражались более сознательно, чем лошади – умели отличать своих от чужих, понимали, для чего им мечи. Они могли, конечно, шутя пройти сквозь ряды пехоты, но зачем? Слон должен был сначала понять, для чего ему это нужно. Просто взять и нагнать его на пехотинцев было трудно, – если люди не расступались, слон часто останавливался и, в лучшем случае, пытался расчистить себе дорогу. Слоны всегда боялись огня, часто боялись людей, способных больно уколоть копьями или мечами. Слонов вообще нельзя было сделать бесстрашными, ибо нападали они только из желания сделать приятное махауту. Даже если они защищали своих махаутов, то и тут понимали, что лучший способ уберечь их, – унести в безопасное место.

Несомненно, неудачи боевого применения слонов и вытеснение их конницами в значительной мере были обусловлены и тем, что этот вид животных так и не был одомашнен, а только приручен. поголовье ручных слонов всегда пополнялось путем отлова диких. селекция, таким образом, не производилась, и боевые слоны отличались от рабочих только размером, но не психологией.

В средние века боевые слоны все еще применялись почти во всей Азии – от Ирана до Китая, от Индии до Аравии. Но тактика их использования постепенно менялась. Речь шла уже не о боевой пользе применения слонов, а скорее о престижности. И, конечно же, очень часто они использовались как тягловые животные. Например, в той же Индии с XVI века слоны очень неплохо справлялись с перевозкой пушек.

Очевидно, что боевая слава слонов оказалась несколько преувеличенной по сравнению с их действительным значением в мировой военной истории, но сам факт эффективного использования в бою столь мощного и умного животного, как слон, не может не вызывать восхищение.

Так сражались «танки древности»

¹

Современные историки полагают, что колесницы были изобретены за 2300 лет до новой эры в Месопотамии. Однако к тому моменту, когда лошади были приручены человеком, они еще мало напоминали современных скакунов. Позже египтяне и ассирийцы в свои колесницы запрягали коней ростом уже 160 сантиметров и весом до 500 килограммов.

Со временем повозки совершенствовались. Так появились грузовые и боевые колесницы. Правда, некоторые историки считают, что повозки были изобретены самостоятельно и в Месопотамии, и на Кавказе, и в евразийских степях. Но, судя по тому, что во всех этих местах повозки были одинаковой конструкции, а также потому, что их части и детали назывались одинаково, центр происхождения, вероятно, у них один.

Технология постройки колесниц постоянно развивалась. Если в Месопотамии поначалу колесницы были тяжелыми и представляли собой платформы, на которых находились метатели дротиков или лучники, то в Египте это уже были легкие, маневренные повозки, приспособленные не только для стрелков. Они и сами по себе являлись грозным оружием.

О том, какое значение в Древнем мире придавалось колесницам, запряженным лошадьми, можно судить по многим фактам. Например, в Египте для изготовления колесниц использовались вяз, сосна, ясень, береза. Однако береза не растет южнее Трапезунда и Арарата, а значит, материал этот доставлялся издалека. В те времена решить такую проблему было нелегко.

Появление колесниц вызвало, по сути, целую революцию в военном деле. Став главной ударной силой в армиях, они решали не только исходы отдельных сражений – они решали судьбы целых государств!

Боевая греческая колесница. Фрагмент росписи греческой вазы

Началась боевая слава колесниц в Египте и Хеттском царстве, некогда расположенном в Малой Азии. Оба царства постоянно воевали друг с другом. Рано или поздно государства

¹ По материалам А. Нефедкина и Ю. Дмитриева.

эти должны были сойтись в решающем сражении. И оно произошло по одним данным в 1312-м, по другим – в 1296 году до новой эры. К тому времени и египтяне, и хетты усовершенствовали колесницы, которые сыграли решающую роль в этой битве, происшедшей у города Кадеш, который находился на территории теперешней Сирии.

Количество воинов в обеих армиях было одинаковое – примерно по двадцать тысяч пехотинцев с каждой стороны. Но главное – колесницы. Их было много: у хеттов – две с половиной тысячи, у египтян предположительно столько же. Колесницы объединялись в отряды по десять, тридцать и пятьдесят. Почти метровые колеса у боевых колесниц имели уже восемь спиц (ранее было четыре, максимум шесть), и – что очень важно – увеличился конец оси, выступавшей с каждой стороны колеса. Лошадьми управлял возница – уважаемая в Египте личность. Рядом с ним стоял воин. Обязательно из знатного рода – только они имели право сражаться не в пешем строю. Концы выступающих осей были фактически острыми длинными ножами. Когда такая колесница врывалась в расположение врага, она скашивала живую силу противника как траву. Такие же, но несколько короче, ножи прикреплялись к передку колесницы.

Колесницы египтян были маневренными, быстрыми, а знаменитый маневр «гнев фараона» производил страшное опустошение в рядах врагов. Суть «гнева» состояла в том, что колесницы врывались в расположение врага и, резко развернувшись, мчались вдоль всего фронта от фланга до фланга.

Хеттские колесницы слыли более мощными – на них стояло по три человека: кроме возницы еще и щитоносец, прикрывавший и возницу, и воина, который был обычно копейщиком.

То ли у египтян была плохо поставлена разведка, то ли хетты ловко их дезинформировали, но, приблизившись к Кадешу, фараон Рамсес II и не подозревал, что находится совсем близко от противника. К тому же подсланные лжеперебежчики совершенно усыпили бдительность Рамсеса II, сообщив, что хетты ушли далеко. А они тем временем обошли египтян с тыла, неожиданно напали на приближающийся отряд Ра и разгромили его. Затем подошли с тыла к отряду Амона и тоже почти полностью уничтожили его. Сам Рамсес II едва уцелел.

Однако и хетты допустили ошибку. Они посчитали, что египтяне полностью разгромлены, и занялись грабежом покинутого египетского лагеря. Тем временем к месту сражения подходил отряд союзников Египта. Встретив их, спасающийся бегством Рамсес II повернул обратно, и теперь уже египтяне обрушились на потерявших бдительность хеттов.

Самое главное, что в этом деле сегодня нас интересует – роль колесниц, которая оказалась решающей. Колесницы продолжали совершенствоваться: уже не две, а четыре и даже шесть лошадей везли боевые повозки, уже не один-два, а четыре человека находились на них, и колесницы из «легких танков» древности превратились в «тяжелые»: между 479 и 401 годом до н. э. в персидской Ахеменидской империи появилась серпоносная упряжка, по своим задачам сильно отличавшаяся от своих предшественников – простых невооруженных колесниц. Последние обычно сражались между собой перед столкновением пехоты, поддерживали ее фланги, преследовали врага после схватки и в гораздо меньшей степени выполняли функцию фронтальной атаки на пехоту противника, в основном, когда у врагов не было своих колесниц или они уже были выбиты с поля боя. Упряжки же с серпами – это оружие исключительно для лобовой атаки строя врага, рассчитанное не только на непосредственное поражение неприятеля, но и на психологический эффект, деморализующий последнего. Главная задача серпоносных колесниц состояла в разрушении сплоченного строя пехоты.

По подробным описаниям Ксенофонта можно представить себе конструкцию серпоносной колесницы рубежа V–IV веков до н. э.

Квадрига имела большие колеса, вертящиеся вокруг оси, длина которой должна быть примерно равной ширине упряжки из четырех коней. К каждому концу оси было прикреплено по одному горизонтальному серпу длиной около 90 сантиметров. Еще два вертикальных серпа находились под осью, у обеих сторон пола кабины. В высоком деревянном кузове из досок

стоял возница, одетый в чешуйчатую броню с длинными рукавами и высоким воротом, голову его защищал шлем. Других воинов в кузове не было. Из оружия колесничий, очевидно, имел лишь меч. Лошади некоторых упряжек прикрывались бронзовыми налобниками, месяцевидными нагрудниками и пластинчатыми защитными попонами.

Следующий по хронологии случай применения серпоносных квадриг, зафиксированный в источниках, – бой при Даскелионе (395 год до н. э.) между отрядом спартанского царя Агесилая и конницей сатрапа Геллеспонтийской Фригии Фарнабаза. Эффект успешного действия серпоносных колесниц объясняется тем, что сразу за атакующими колесницами в прорыв скакали всадники, которые прикрывали возниц.

Из сражений, в которых принимали участие серпоносные квадриги, лучше всего освещена источниками битва при Гавгамелах, происшедшая 1 октября 331 года до н. э. между армиями Александра Македонского и Дария III, последнего персидского царя из династии Ахеменидов. Персы выбрали поле для битвы, где они могли развернуть свои многочисленные войска. Более того, почва была специально выровнена для действия колесниц и конницы, а на флангах были высыпаны колючки – трибулы для нейтрализации македонской конницы – главной ударной силы армии Александра. И все же это не помогло – Дарий потерпел сокрушительное поражение. Хотя персидские серпоносные колесницы действовали на левом фланге македонян довольно успешно.

К концу ахеменидской эпохи произошли изменения в вооружении колесниц. Отказались от нижних (под кузовом) серпов; однако вооружение усилилось путем прибавления горизонтального серпа, закрепленного с каждой стороны на конце ярма, и путем приделывания к концу оси спускающегося книзу лезвия, расположенного ниже горизонтального серпа.

Последний раз серпоносные колесницы применялись в битве при Зеле в 47 году до н. э. На рассвете 2 августа 47 года до н. э. Фарнак II, царь Боспора, вывел войска из лагеря и повел их через равнину на римлян, которые разбивали лагерь на возвышенности. На это еще не построенное войско Фарнак II и бросил колесницы, которые были засыпаны множеством метательных снарядов. Легионеры, отбросив квадриги, столкнули с холма и пехоту врага. В итоге войско Фарнака II бежало. Именно об этой победе римский полководец Гай Юлий Цезарь сообщит сенату всего лишь тремя словами: «Пришел, увидел, победил».

Древним был хорошо известен психологический эффект колесничной атаки. Очевидно, как раз этим впечатлением были навеяны описания кровавых ран, производимых серпами – ведь обычно потери от атаки квадриг были небольшими. Таким образом, колесницы, которые постепенно исчезли из боевых построений, можно назвать скорее «психологическим оружием», нежели «танками древности».

Куда ходили десять тысяч греков?

Поход греческого войска в Переднюю Азию, описанный в «Анабасисе» грека Ксенофонта, вряд ли можно рассматривать как крупное историческое событие, оказавшее решающее влияние на судьбы народов древнего мира.

Итак, Кир Младший – сын персидского царя Дария II, будучи сатрапом Лидии, Великой Фригии и Каппадокии, а также возможным претендентом на трон Ахеменидов, в 401 году до н. э. задумал захватить персидский престол, которым владел его старший брат Артаксеркс II.

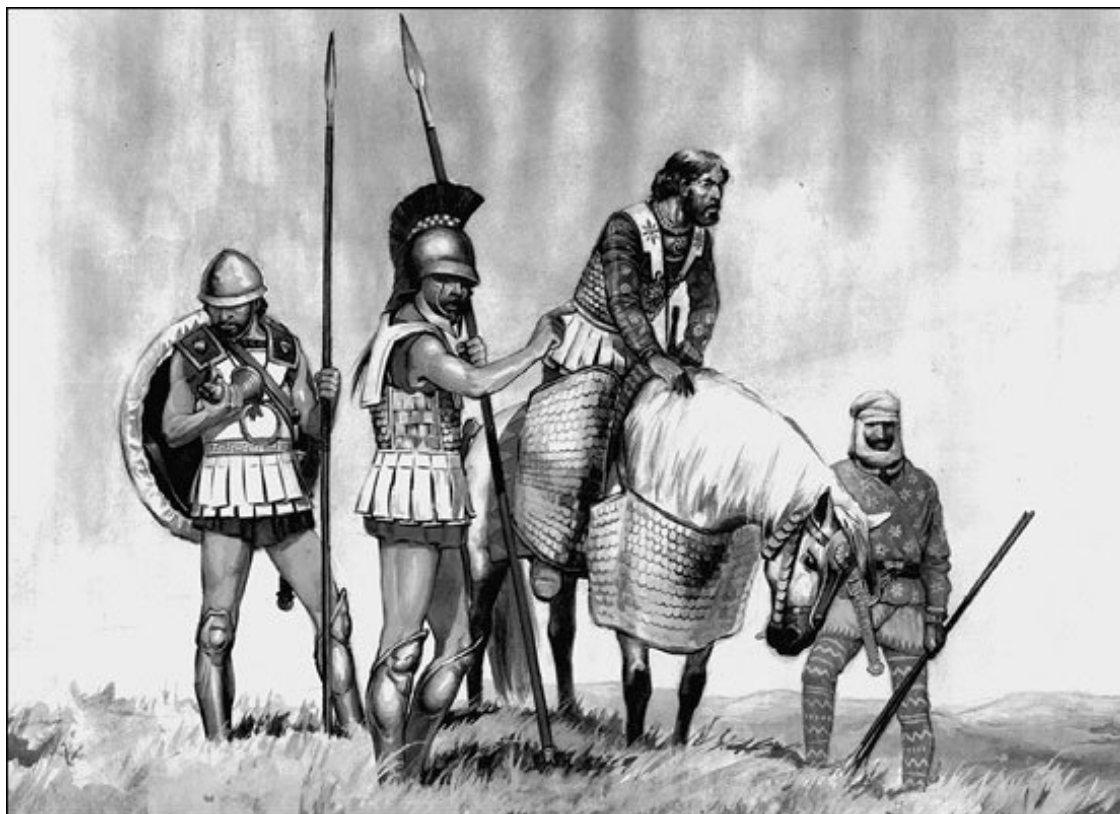
Еще раньше Кир был послан в Малую Азию со специальным заданием – установить непосредственные контакты со спартанским правительством и немедленно начать переговоры со спартанской миссией в Азии, возглавляемой Лисандром. Кир Младший в качестве поверенного своего отца, конечно, был идеальной фигурой для такого рода переговоров. По многим причинам, как объективного, так и чисто личного характера, Кир был заинтересован в установлении самых тесных контактов со Спартой. В Малой Азии он собирался действовать, с одной стороны, как агент персов, с другой – с учетом своих собственных далеко идущих планов. Идея насильственного захвата трона и необходимость в этой связи заранее скомплектовать себе армию наемников, по-видимому, уже тогда завладела мыслями молодого честолюбивого Кира. Неудивительно, что Лисандру, решавшему проблемы создания спартанских тайных обществ против Афин, удалось склонить Кира на сторону Спарты в ее противостоянии с Афинами.

В определенный момент Кир решил, что пора действовать. При помощи Спарты он сумел добавить к своей 100-тысячной армии (по другим данным, Кир имел 300-тысячное войско) еще 13 000 греческих наемников под командованием спартанского стратега Клеарха. Спартанцы поддержали Кира, поскольку он помог бы им ослабить Афины. В свою очередь Кир Младший, вербуя греков, отлично знал, что делал: превосходство военной машины эллинов в то время было налицо.

Противники сошлись в решающей битве при Кунаксе, севернее Вавилона. Перед битвой армия Артаксеркса II насчитывала, по сообщению Ксенофонта, 900 000 (!) человек и 150 боевых колесниц. Кроме того, еще 50 упряжек вместе с армией Аброкома не успели прибыть к месту боя.

Кир находился на своей серпоносной колеснице, когда ему сообщили о наступлении неприятеля. Он тотчас спрыгнул на землю, одел грудную кирасу, сел на коня, подхватил копье и стал строить свое войско. Кир имел отряд телохранителей из 600 отборных всадников, одетых в латы, набедренники и шлемы и вооруженных мечами. Во главе этих 600 человек Кир атаковал стоявшую в первой линии гвардию Артаксеркса II силой в 6000 человек, разбил ее наголову и в рукопашном бою собственноручно убил ее предводителя Артагерза.

Подобным образом Тиссаферн, предводитель конницы Артаксеркса II, атаковал греческих пелтастов. Кроме всадников на эллинов обрушились персидские серпоносные колесницы. Однако греки не дрогнули, они стали бить копьями о щиты, чтобы испугать вражеских коней. Далее воодушевленные греки мечами и копьями привели персидских всадников в полное расстройство.

Греческие наемники вместе с Киром Младшим и персидским воином-телохранителем

И вдруг случилось непредвиденное: Кир Младший в рукопашной схватке был убит! Услыхав такую страшную весть, солдаты Кира, набранные в Малой Азии, тотчас обратились в бегство. Многие из них перешли на сторону врага. Приближенные Кира, его друзья и соратники, погибли, сражаясь за тело вождя. Персы сумели захватить мертвое тело Кира, после чего отрубили ему голову и правую руку. Только один приближенный Кира, – находившийся на левом фланге Арией, который командовал конницей, – убежал вместе со всем войском. Теперь из-за отсутствия конницы спартанцы оказались в очень затруднительном положении.

Артаксеркс II перестроил свои боевые порядки для новой атаки. Вскоре он сделал вид, что собирается ударить элинам в тыл. Спартанцы также быстро провели перестроение, готовясь к отражению атаки. Однако Артаксеркс II, объединившись с Тиссаферном, изменил направление удара и попытался обрушиться на противника слева, чтобы потом захватить его в кольцо.

Элины не стали дожидаться удара. Быстро развернувшись, спартанцы дружно атаковали первыми. Персы снова не выдержали и побежали, а противник гнал их до какой-то деревни. Между тем зашло солнце, спартанцы, уверенные в победе, остановились и сняли оружие, чтобы передохнуть. Примечательно, но они только на другой день узнали о смерти главного предводителя.

Далее произошли еще более трагические события. Тиссаферну удалось хитростью выманить спартанских вождей на переговоры. Когда они дошли до ставки Тиссаферна, стратегов пригласили войти в большой шатер. После этого, по тайному сигналу, вошедшие были схвачены, а оставшиеся снаружи – убиты.

Войско греческих наемников оказалось обезглавленным. Но это продолжалось недолго – греки выбрали себе нового начальника. Им стал Ксенофонт, который решился на практически невыполнимый шаг: вывести греков из опасного района.

Воспользовавшись замешательством персов, непобежденные греки двинулись в отступление по вражеской территории в направлении ближайшей греческой колонии Трапезунт, находившейся на расстоянии почти в тысячу километров. Естественно, в течение долгих месяцев не получая жалованья, греческие наемники жили грабежом. При этом само собой разумеется, что, нападая на мирные поселения, они не только захватывали продовольствие и скот, но также угоняли с собой и жителей. Этих людей продавали затем при первом удобном случае в рабство, преимущественно в греческих городах. Вырученные деньги шли в пользу солдат, а часть их откладывалась для благодарственных приношений богам-покровителям. Но в греческом городе Византии, в наказание за самовольные действия, 400 наемников Кира окончили свою военную карьеру на невольничьем рынке в качестве выставленного на продажу живого товара...

В конце концов, после пяти месяцев марша и кровопролитных схваток, около 6000 уцелевших греков достигли пункта назначения. А когда, наконец, перед измученными солдатами открылась водная гладь Понта Эвксинского, прозвучал ликующий крик: «Таласса! Таласса!» («Море! Море!»). Далее порядком поредевший отряд продолжил морем путь к городу Халкедону в Босфоре, чтобы потом идти дальше на Запад в Византий, Фракию и Пергам.

В Пергаме Ксенофонт, который во Фракии фактически состоял главнокомандующим греческого войска, передал уцелевших солдат – а их оказалось около 5000 человек – в распоряжение Фиброна – спартанского военачальника, собиравшего армию для ведения войны с сатрапом Фарнабазом. Можно предположить, что Ксенофонт сохранил начальство над своим отрядом.

Переход под начало спартанцев послужил причиной для изгнания Ксенофонта из пределов его родины, что, в свою очередь, определило всю его дальнейшую судьбу. В Малой Азии Ксенофонт сблизился со спартанским царем Агесилаем, вместе с ним переправился в Грецию и служил под его начальством, принимая участие в битвах и походах против врагов Спарты, в том числе и против Афин.

Примирение с родным городом произошло лишь в конце жизни Ксенофонта. Когда разгорелась война между Спартой и Фивами, Афины оказались в союзе со Спартой и Ксенофонт получил амнистию. Но о возвращении его на родину и о дате его смерти никаких сведений нет.

...В 334 году до н. э., спустя 67 лет после описанного в «Анабасисе» похода, Александр Македонский прошел по стопам наемников Кира через всю Малую Азию и нанес смертельный удар Персии Ахеменидов, чем положил начало новой эпохе в истории Древнего мира. Таким образом, поход эллинского войска в 401 году до н. э. явился предтечей решающего похода Александра Великого и предвозвестником грядущего эллинизма.

«Лазерный прицел» Архимеда

Архимед – греческий ученый, которому принадлежит знаменитое восклицание «Эврика!», открывший основополагающие законы физики, построивший небесный глобус для астрономических наблюдений, впервые измеривший диаметр Солнца и вычисливший окружность Земли, сформулировавший закон гидростатики, заложивший основы математики и алгебры, а также сделавший массу остроумных изобретений, известен каждому. Немалы и его заслуги в военном деле. Например, успешное использование сконструированных им военных машин против римского флота во время осады Сиракуз. Или то, как он с помощью системы зеркал поджег вражеские корабли римской эскадры.

В 213 году до н. э. во время второй Пунической войны, разразившейся между Римом и Карфагеном, римский сенат решил произвести немедленный и решительный штурм союзного карфагенянам города Сиракузы, расположенного на острове Сицилия. Командовать силами вторжения был назначен талантливый и жестокий полководец Марк Клавдий Марцелл, который принял невероятное на первый взгляд решение: напасть на город с моря, где защитные стены невысоки и выходят на самый край берега.

Однако обороняющимся удалось забросать приближавшиеся с высокими штурмовыми лестницами римские корабли тяжелыми камнями, свинцом и железом и настолько повредить их, что они вынуждены были отступить.

Плутарх утверждает, что Архимед при помощи своих машин с такой точностью метал громадные тяжелые камни, что они каждый раз попадали в намеченную цель; с таким же успехом действовали и построенные им метательные машины меньшего размера. Рассказывают, что осажденные метали против кораблей тяжелые снаряды, снабженные крюками и канатами, при помощи которых корабли притягивались к стенам, приподнимались кверху за нос или за корму, после чего резко опускались, что причиняло им серьезные повреждения.

Греческий писатель Лукиан во II веке н. э. приводит любопытные сведения, за которые впоследствии радостно ухватились ученые, философы и даже художники эпохи Возрождения. Согласно Лукиану, Архимед построил шестиугольное зеркало, собранное из небольших четырехугольных зеркал, каждое из которых было закреплено на шарнирах и приводилось в движение цепным приводом. Благодаря этому углы поворота зеркал можно было подобрать таким образом, чтобы отраженные солнечные лучи фокусировались в точке, находящейся от зеркала на расстоянии полета стрелы. При помощи такой системы зеркал Архимед и поджег корабли римлян.

Архимед

Вопрос о зеркалах Архимеда разбирал четыреста лет спустя византийский ученый Анфимий в сочинении «О чудесных механизмах». Анфимий попытался даже дать реконструкцию зеркал, исходя из радиуса действия, равного дальности полета стрелы. Вывод Анфимия таков: «При помощи многих плоских зеркал можно отразить в одну точку такое количество солнечного света, что его объединенное действие вызовет загорание... удобнее применить раму, в которой закрепить 24 отдельных зеркал с помощью пластин или, еще лучше, на шарнирах. Подставляя этот механизм солнечным лучам, надо правильно установить центральное зеркало, а потом и остальные, быстро и ловко наклоняя их... так, чтобы солнечные лучи, отраженные этими различными зеркалами, направлялись в ту же точку».

Что касается дальнейшей судьбы Сиракуз, то вспыхнувшие восстания других сицилийских городов отвлекли на какое-то время часть римских войск, и римляне ненадолго оставили город в покое. Но в 212 году до н. э., воспользовавшись проходившим в городе праздником, Марцелл снова начал штурм и сумел овладеть верхней частью города. К сожалению, во время осады погиб и великий ученый Архимед.

В источниках говорится о применении зеркал только против флота. Положение солнца по отношению к сражающимся исключало применение зеркал против пехоты. Пешее войско наступало со стороны Гексапил – ворот, расположенных в центре северной стены города, и солнце находилось за спиной их защитников.

Состоялось всего два штурма Сиракуз – дневной и после его неудачи – ночной. Не было ли такое решение римлян в какой-то мере вызвано желанием «обезвредить» зеркала?

В 70-е годы XX века греческий инженер-механик Иоанис Сакас поставил опыт и доказал, что подобное возможно. В порту Скараманга под Афинами построили несколько десятков солдат, каждый из которых держал прямоугольное зеркало размером 91 × 50 см. На расстоянии около 50 метров от берега поставили лодку, груженную смолой. По команде Сакаса солдаты несколько раз поднимали щитообразные зеркала – так ученый искал нужный угол, чтобы сфокусировать солнечные лучи на лодке. И вдруг лодка задымилась, а затем вспыхнула ярким пламенем.

В наше время группа итальянских ученых провела тщательные математические расчеты и исследование материалов, связанных с «лазером» Архимеда. Исследователи расположили перед холщовым парусом, установленным в пустыне, 450 зеркал общей площадью около 20 квадратных метров. Поскольку каждое из зеркал с помощью отраженного излучения поднимало температуру паруса на полтора градуса, он действительно загорелся. Но то, что римский флот был действительно подожжен с помощью зеркал, вызывало слишком большие сомнения.

Во-первых, массы холодного воздуха между зеркалами и кораблями над холодным морем существенно снижали бы нагревательную способность лучей.

Во-вторых, ученым пришлось ждать несколько минут, пока парус загорится. Однако все письменные свидетельства очевидцев однозначно утверждают: паруса и деревянные обшивки кораблей вспыхивали почти одновременно с потоками света, хлынувшими с берега.

Еще один факт: бронзовые зеркала были действительно обнаружены при раскопках в Сиракузах, однако их шлифовка оказалась весьма несовершенной. А ведь кораблей было не один десяток, и все они загорелись одновременно...

Однако, по мнению итальянских исследователей, система зеркал все-таки существовала. Но ее действие на самом деле оказалось не совсем таким, как это принято считать. Их свет ослепил надвигающегося противника, а потом корабли действительно вспыхивали, как свечи. Но не «лазер» был тому причиной, а все тот же «греческий огонь» – зажигательная смесь из смолы, серы и селитры, еще неизвестная тогда римлянам. «Зажигалки» метали из катапульт на городской стене поразительно точно и эффективно.

По версии итальянцев, гигантские бронзовые диски, ослеплявшие врагов отраженным солнечным светом, служили... оптическим прицелом. Точнее, его можно было бы назвать «лазерным прицелом».

Чтобы разработать такую систему в древности, Архимеду необходимо было знать две вещи: дальность полета стрелы из катапульты и оптимальное расстояние, при котором человеческий глаз способен различать световой диск, отбрасываемый зеркалом на парус. Первое было отлично известно любому воину, второе несложно было определить экспериментально прямо на улицах города. Далее Архимед сконструировал метательный аппарат, в котором стрелок спускал тетиву в тот момент, когда происходило совмещение оси стрелы с солнечным зайчиком. Все оружие было рассчитано с учетом кривизны полета стрелы на расстояние в 300 локтей. Когда флот Марцелла приблизился на эту дистанцию, с зеркал слетели чехлы, метатели навели орудия по «целеуказаниям», вспыхнули наконечники стрел и зазвенели натянутые тетивы...

Как сципион победил Ганнибала

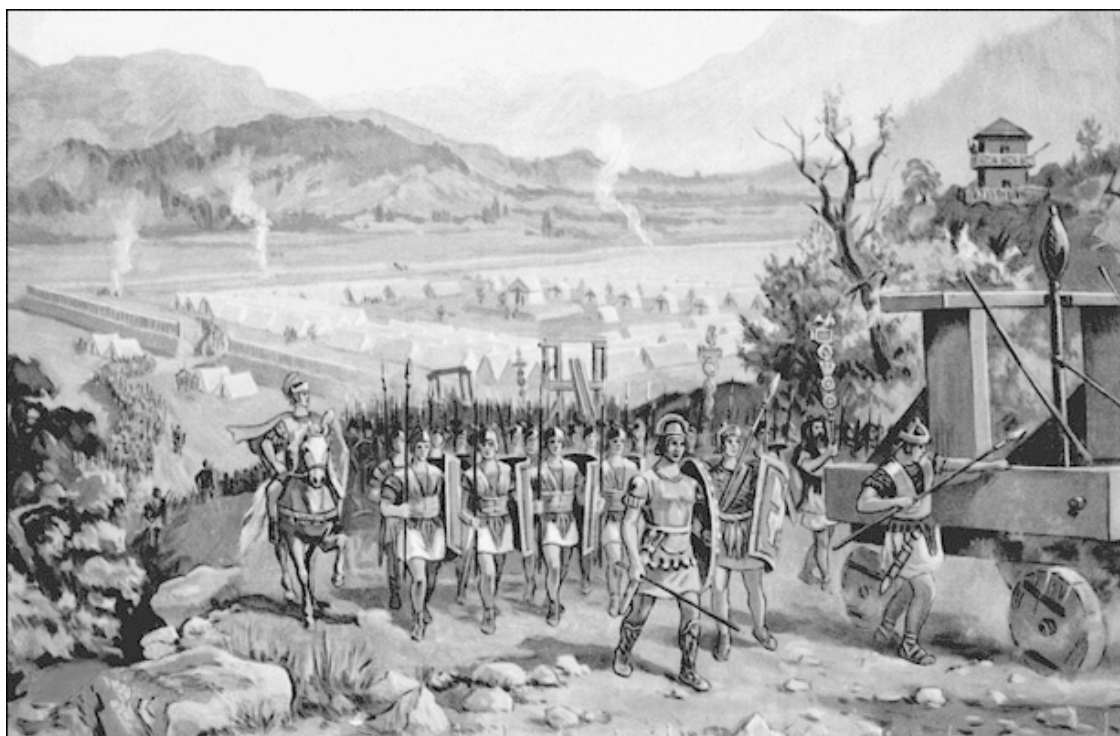
Первая Пуническая война (264–241 годы до н. э.), которую вел против Рима отец будущего «великого карфагенянина», Гамилькар Барка, закончилась для Карфагена неудачно и привела к потере Сицилии, а с ней и господства на море. Юный Ганнибал, получивший разностороннее образование по греческому образцу и участвовавший в походах отца в Испанию, поклялся Гамилькару вечно ненавидеть Рим и посвятить всю свою жизнь борьбе с ним.

В 218 году до н. э. он осадил Сагунт, союзную Риму греческую колонию. На требование Рима выдать Ганнибала Карфаген ответил отказом. Повод к войне двух соперников за господство на Средиземном море был дан, и решительная борьба началась.

После восьмимесячной осады Сагунта город пал и был разрушен. Это дало повод римскому сенату объявить о разрыве мирных отношений с Карфагеном. Так началась Вторая Пуническая война.

Ганнибал – почти единственный из полководцев, которому не пришлось сталкиваться с солдатскими волнениями и бунтами. Его армия из старых африканских кадров, пополненная набором иберийцев, превышала 50 тысяч, образовывала отдельные тактические единицы, которые под руководством опытных генералов на поле сражения могли самостоятельно маневрировать. Тактическое превосходство армии Ганнибала над римской милицией было несомненно, и оно усиливалось тем обстоятельством, что Ганнибал располагал превосходной конницей.

Ганнибал мог не бояться встречи в поле даже с вдвое превосходящим противником. Он составил смелый план перейти через Пиринеи, реку Рону и Альпы в Италию, разбить в поле римские войска, а потом захватить и уничтожить Рим. При господстве римлян на море это был единственный способ перенести военные действия на территорию противника.

Римские легионы покидают лагерь

Оставив для защиты Карфагена 16 000 воинов и для обеспечения своей тыловой базы в Испании столько же солдат под командованием брата Гасдрубала, Ганнибал во главе 92-тысячной армии перешел реку Эбро и покорил к северу от нее иберийские племена. После этого карфагенский полководец расположил на завоеванных землях 11-тысячное войско, а сам перешел через Пиренеи у средиземноморского мыса Креуз.

Вскоре его разведка – 500 человек нумидийской конницы – донесла Ганнибалу, что римская армия в количестве 24 000 человек перекрыла путь в Италию вдоль средиземноморского побережья, расположившись походным лагерем около хорошо укрепленного города Массалии. Ганнибал решил обойти противника севернее, выставив против него заслон из конницы и боевых слонов, и вторгнуться в Северную Италию через Альпийские горы.

Пока Ганнибал пересекал Альпы, римский полководец Публий Корнелий Сципион – отец Сципиона Африканского – спешил в Северную Италию, чтобы отрезать карфагенянам путь. В ноябре 218 года до н. э. армия Ганнибала встретилась на реке Тицин (совр. Тичино) с 25-тысячным римским войском Сципиона.

После легендарного перехода через Альпы, когда Ганнибал потерял почти всю свою армию, в его распоряжении осталось около 20 000 пехоты, 6000 кавалерии и всего несколько слонов. Несмотря на это, в сражении на Тицине римляне понесли большие потери, карфагеняне истребили почти всю вражескую кавалерию. Сам Сципион был тяжело ранен.

Карфагенское войско в декабре 218 года до н. э. одержало еще одну победу: на реке Треббия, к верховьям которой отошел со своей пехотой Сципион, соединившись с армией другого римского полководца, Семпрония. 40 000 римлян расположились здесь в хорошо укрепленном лагере и не желали выходить для битвы в открытое поле. Но Ганнибал перехитрил противника: он позволил ему одержать ряд легких побед над своими небольшими отрядами, одновременно опустошив все селения вокруг неприятельского лагеря. Ложная атака нумидийской конницы, перешедшей реку и выманившей из лагеря за собой римскую конницу, явилась прологом большой битвы. Снова большие потери понесла римская кавалерия.

Римляне со дня на день ожидали приближения войск Ганнибала к самому Риму и не видели ни надежды на спасение, ни возможности получить помощь извне или эффективно сопротивляться. Однако Рим не являлся первостепенной целью Ганнибала. Перезимовав в долине реки Паду, карфагеняне и галлы предприняли наступление в Центральную Италию. Здесь, весной 217 года до н. э. Ганнибал совершил первый в истории обходной маневр. Перейдя через занесенные снегом Апеннинские перевалы севернее Генуи, он прошел на юг вдоль морского побережья и за четыре дня форсировал топкие болота в пойме реки Арн (Арно), считавшейся непроходимой во время весеннего паводка.

Спустившись с Апеннин, карфагеняне и галлы неожиданно для противника оказались между римскими армиями, блокировавшими главные дороги на Рим, и самим Вечным Городом. Ганнибал двинулся к Плаценции, где вскоре произошло сражение. Но в итоге битва при Плаценции закончилась вничью... Две главные дороги, ведущие в Центральную Италию и на Рим, которые обошел Ганнибал, были блокированы войсками консулов Гая Фламиния и Гнея Сервилия.

Местность у Арретии (Ареццо), где стояли войска Фламиния, Ганнибал не считал удобной для боя и, оставив лагерь противника слева, двинулся к Фэсулам, а потом пошел, не встречая сопротивления, уже по направлению к Риму, разоряя и уничтожая мирное население, сжигая дома и хозяйственные постройки. Фламиний бросился следом. Увидав, что римские войска приближаются, Ганнибал, избрав для сражения гористый район неподалеку от горы Картоны, возле Тразименского озера, велел своим солдатам изготавиться к бою. В апреле 217 года до н. э. Ганнибал напал из засады на армию Фламиния, проявившего большую неосторожность: оказавшиеся в узком шестикилометровом проходе между горами и озером римляне попали в западню. Около 30 000 солдат вместе с Фламинием сложили головы, остальные бежали в горы.

Ганнибал все еще не спешил нападать на Рим, поскольку осознавал, что незавоеванная Италия представляла огромную опасность. Тем временем Квинт Фабий, ставший диктатором, избрал тактику уклонения от больших сражений, изматывая карфагенян неожиданными нападениями. Но римские плебеи, неохотно пошедшие на эту тяжелую войну, смотрели на затяжку ее, как на явление разорительное для бедного люда, создалась целая демагогическая агитация против осторожной стратегии Фабия, прозванного Кунктатором (Медлителем). В итоге презиравший такое поведение нетерпеливый магистр конницы Мунций Руф получил от сената статус командира, равного диктатору, и решил дать противнику сражение при Геронии. И только чудо – своевременная помощь Фабия – спасла честолюбивого Руфа от разгрома.

Рим, благодаря выигранному Фабием времени, все же собрал большую 86-тысячную армию, назначив ее командирами Эмилия Павла и Теренция Варрона. Но Ганнибал так и не сделал даже попытки перейти от угрозы Риму к его атаке.

В конце июля 216 года до н. э. Ганнибал быстрым маршем провел 50 000 своих солдат в Канны и захватил там римские склады с провиантом, бросив вызов армии римлян, стоявшей у реки Ауфид (Офанто). 2 августа Ганнибал вывел на поле сражения свою армию в шести колоннах. Две средних, общим числом 20 000, образовывались более слабой иберийской и галльской пехотой, которым суждено было выдерживать основной натиск римлян. Чтобы морально поддержать этих воинов, Ганнибал со своим братом и штабом расположился за ними. Их окружали две колонны по 6000 африканских испытанных ветеранов. Наконец, фланговые колонны были чисто кавалерийские: на левом фланге – тяжело вооруженная конница – «кирасиры» Гасдрубала, на правом – легкая, преимущественно нумидийская конница. Всего 10 000 всадников. Равное с римлянами число легковооруженных всадников маскировало фронт Ганнибала. Боевое расположение получалось в виде подковы.

Римляне – 55 000 гоплитов, 8000 легковооруженных, 6000 всадников, а также 10-тысячный гарнизон, оставленный в лагере, – были построены в особенно глубокую фалангу (манипулы – 10 человек по фронту, 12 в глубину), в общем не менее 34 шеренг. Такая глубина вызывалась стремлением развить максимальный натиск и не слишком затруднять наступление непомерной длиной фронта пехоты, которая растянулась на довольно большое расстояние. Конницу распределили по флангам.

На фронте римляне решительно атаковали галлов и испанцев, нанесли им большие потери и заставили карфагенский центр попятиться. Но присутствие здесь Ганнибала удержало галлов от разрыва фронта и бегства. В решительную минуту, под влиянием удара с тыла, римская фаланга остановилась. Остановка для фаланги означала ее гибель. С флангов ударили африканцы, на римлян посыпались дротики и стрелы. Только крайние шеренги окруженной толпы римских легионеров могли действовать оружием – задние были способны при атаке увеличить натиск, но при остановке фаланги представляли только мишени для летящих камней, дротиков и стрел. Почувыв победу, карфагенские наемники стали теснить повсюду римлян, которым все труднее было действовать оружием. Положение последних становилось безысходным.

После долгого побоища было убито 48 000 римлян, среди которых были 25 высших командиров и консул Эмилий Павел. 6000 римлян оказались в плену. Пробились немногие: из остатков 16 легионов римлянам позже удалось сформировать только 2 легиона. Сам Варрон затерялся где-то среди беглецов. Однако цифры, относящиеся к потерям, и описание хода сражения римскими историками не заслуживают доверия. Даже если взять наименьшую из приводимых в источниках цифру карфагенских потерь при Каннах – около 6000 убитых, то этому числу должно соответствовать никак не меньше 10 000 раненых. В таком случае к концу сражения Ганнибал должен был иметь в строю не более 34 000 воинов. Каждый из них за время сражения должен был уничтожить как минимум одного неприятельского воина. И это

при том, что реально в рукопашной схватке участвовало лишь меньшинство армии – только бойцы передовых шеренг...

Но одно известно точно: Ганнибал, располагая вдвое слабейшей пехотой, впервые в истории военного искусства решился на маневр охвата обоих неприятельских флангов – на окружение врага. Канна представляют собой бессмертный пример и риска: слабому карфагенскому центру приходилось выдерживать всю тяжесть боя до выхода конницы в тыл и удара на фланги.

После полного разгрома неприятельской армии под Каннами у Ганнибала была неплохая возможность пойти на Рим, но он ей не воспользовался. Или просто не рискнул, поскольку к тому времени не сформировал достаточной осадной базы, которую планировал создать на юге. Для создания прочной базы снабжения на Апеннинском полуострове требовалось разместить пунийские гарнизоны в ряде городов и привлечь на свою сторону союзников из числа недавно покоренных римлянами италийских племен. Только после этого можно было с какими-то шансами на успех подступать к стенам Рима. Кроме того, Ганнибал знал, что после поражения при Каннах римляне призвали в армию всех способных носить оружие, начиная с 17-летнего возраста, сформировав четыре легиона. Государство выкупило 8000 рабов, которые составили еще два легиона. В силу всех этих обстоятельств Ганнибал пока не решился идти на Рим.

Когда карфагенская армия двинулась на юг, многие самнитские племена перешли на сторону Ганнибала. Его поддержал крупнейший город Капуя, но на юге Италии, в области Великой Греции, Неаполь, Кумы и Нола сохранили верность Риму.

В 215 году до н. э. сложилась парадоксальная ситуация: захватив большое количество городов и крепостей, Ганнибал не добился реальной победы.

В начале зимы 211 года до н. э. 60-тысячная римская армия под командованием Фульвия и Клавдия подверглась одновременному нападению городского гарнизона и основных сил Ганнибала. Операция также не принесла успеха – из-за нерасторопности осажденных спасти Капую не удалось. Тогда Ганнибал решил отвлечь противника и объявил о походе на Рим, чем вызвал у римлян вошедший в историю возглас ужаса: «Ганнибал у ворот!» Совершив свой обманный маневр и вернувшись к Капуе, Ганнибал к своему горю застал его капитулировавшим.

Тем временем на политической и военной арене римской истории появилась новая фигура – Публий Корнелий Сципион, сын одного из тех Сципионов, что погибли в Испании. Римский сенат в 210 году до н. э. послал двадцатипятилетнего юношу принять командование войсками в Испании, где Сципион довольно быстро восстановил римскую власть к северу от Эбро. Затем, в 209 году до н. э. маршем с армией в 27 500 человек он добрался до Нового Карфагена (Картахена), и неожиданным приступом быстро взял город, блокированный с моря римским флотом.

Хваткий, обладающий незаурядными способностями молодой человек сумел постичь тайну тактического превосходства карфагенян и отныне стремился расчленить римский боевой порядок, сделать отдельные части его способными к самостоятельному маневру. Он объединил манипулы в когорты – своего рода батальон, способный к самостоятельному маневрированию; создал вторую линию боевого порядка; а его переход от фаланги к построению в несколько линий представлял тактическую эволюцию на пути к созданию боевого порядка с независимым общим резервом.

Благодаря предательству италийских союзников Ганнибала, римляне вошли в Тарент. Несмотря на эту значимую потерю, Ганнибал был в состоянии продолжать войну и держать в безвыходном положении значительно более многочисленные и более действенные к тому моменту армии римлян. В 208 году до н. э. он разбил Марцелла под Аскулумом. А вскоре Марцелл попал в засаду и погиб.

Тем временем Сципион в Испании после различных маневров и нескольких стычек разбил Гасдрубала в битве при Бекуле, хотя и не нанес карфагенянам большого урона. А сам

Гасдрубал по приказу Ганнибала отправился в Галлию, оставив Испанию Сципиону. О перемещении войск Гасдрубала стало известно римскому консулу Клавдию Нерону. В 207 году римляне устроили противнику засаду у реки Метавр и разбили его. Гасдрубал, поняв, что все потеряно, намеренно ворвался в римскую когорту, чтобы погибнуть.

Тактика Рима, направленная на затягивание войны и истощение сил карфагенской армии на итальянской земле, стала давать свои результаты. Оторванность от тыловых баз поставила войска Ганнибала в крайне затруднительное положение.

Сципион с армией, воспитанной уже в духе линейной тактики, одержавшей успехи на Пиринейском полуострове, еще повысил занятиями и маневрами боевую подготовку своих войск и высадился в 205 году на африканском берегу близ Карфагена. Осадить Карфаген Сципион был не в силах, но ему удалось вмешаться в нумидийские дела, взять в плен шейха, являвшегося опорой карфагенского влияния, и создать перевес его противнику Массиниссе, который неожиданно взялся помогать Риму.

Осенью 203 года до н. э. Ганнибал с остатками своей армии срочно был отозван из Италии на защиту Карфагена. В Африку Ганнибал прибыл с пехотинцами, но почти без конницы. Вернувшись на родину после 16-летнего отсутствия, он приступил к переустройству своей армии, на что потребовалось до девяти месяцев. Армия формировалась, дабы избежать вмешательства гражданской власти, не в самом Карфагене, а в небольшом приморском городке Хадруметуме. Наконец, летом 202 года до н. э. Ганнибал начал боевые действия против римлян.

Римская армия находилась в долине реки Баградас, когда Сципион был уведомлен, что Ганнибал с 35-тысячным войском движется как раз между ним и тем районом к западу, откуда ожидалось нумидийцы. Сципион пошел на риск: он бросил свои сообщения с морем, быстрым фланговым маршем на запад сам пошел на воссоединение с Массиниссой и, получив от него подкрепление в 6000 всадников и 4000 пехотинцев, двинулся навстречу Ганнибалу. Столкновение произошло 19 октября 202 года до н. э. при Нарагаре, однако в истории оно известно как битва при Заме.

Ганнибал распределил свою конницу равномерно по флангам и дал ей указание – не вступая в упорный бой, бежать перед римской и нумидийской конницей, чтобы увести врага во время преследования подальше от поля сражения. Слоны маскировали боевой порядок пехоты и давали Ганнибалу выигрыш во времени – не втягивать в серьезный бой пехотинцев до тех пор, пока не выяснится, удалась ли хитрость с неприятельской конницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.